

ХАЛКИДСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСАХ ФРАКИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Высокий М.Ф. (Москва, Россия)

Халкидское законодательство является одной из древнейших правовых систем греческой ойкумены, и в ареал его распространения попали греческие полисы на побережье Фракии, что, безусловно, оказало определенное влияние на развитие данного региона в целом.

Аристотель (Pol., II, 1274b, 23-26) коротко сообщает среди прочих о законодателе Андродаманте из Регия, который установил законы у «фракийских халкидян». Очевидно, речь идет о греческих полисах на Халкидике (в колонизации которой в VIII в. до н.э. ведущую роль играли выходцы из Халкиды и Эретрии, - см., например, Boardman 1980, 229-230), которая еще в V в. до н.э. считалась частью фракийского побережья (см., например, Нег., VII, 185; VIII, 127; Thus., I, 57, 5). Аристотель очень коротко сообщает, что Андродамант ввел законы об убийствах и об эпиклерах, отмечая при этом, что не может отметить какую-либо особенность в данном законодательстве. Иными словами, данная конституция была аналогична той, которую Аристотель уже рассматривал в своем сочинении. Так, например, немного ранее (1274a, 22-25; 1274b, 5-7) он упоминает о номофете Харонде, чье законодательство было введено в халкидских полисах Сицилии и Южной Италии.

Хотя Аристотель подробно не описывает законодательную систему Андродаманта, введенную в полисах Фракии, однако мы можем отчасти реконструировать ее, опираясь на известные нам законы Харонда, поскольку в Регию, халкидском полисе Южной Италии, родине Андродаманта, действовали именно законы Харонда (Heracl. Pont., 25, 4). Что касается датировки, то законы Харонда, а, следовательно, и законы Андродаманта в полисах Халкидыки, следует датировать концом VII – первой половиной VI в. (Cordano 1978, 91), хотя время деятельности Андродаманта можно продлить и до конца VI в.

Итак, что касается закона Харонда об эпиклерах, то согласно ему, ближайший из родственников должен либо взять в жены сироту-эпиклеру, либо заплатить ей в качестве дара 500 драхм (Diod., XII, 18, 3), т.е. обеспечить ее существование, не допуская перехода родового земельного фонда в чужие руки. Закон Харонда об убийствах не сохранился в письменных источниках, однако на Сицилии, в греческом поселении в Монте Сан Мауро, в области халкидского полиса Леонтины, были найдены фрагменты надписи на бронзовой табличке, с использованием халкидского алфавита, датируемой по палеографии VI в. до н.э. и содержащей закон об убийствах (Агепа 1994, 89). По всей видимости, это и есть не дошедший до нас закон Харонда. Судя по очень фрагментированному тексту, наказание за убийство заключалось в большом денежном штрафе.

Из источников нам известны и другие законы Харонда, которые Андродамант, по всей видимости, применил в своем законодательстве. Прежде всего отметим норму явно из уголовного законодательства, согласно которой за насилие или увечье, нанесенное рабу, и за ущерб недвижимому имуществу виновный обязан был заплатить штраф (Herond., Mim., II, 48-56). Другие нормы уголовного законодательства не сохранились, но и из имеющегося очевидно, что основной санкцией при рассмотрении уголовных дел был денежный штраф. Виновные в мелкоуголовных преступлениях, действиях, направленных против общественной нравственности и общепринятых норм поведения, карались общественной изоляцией – с ними запрещалось иметь какие-либо отношения (Diod., XII, 12,3; 14,1).

Аристотель, говоря о законах Харонда, отмечает, что в его законодательстве нет ничего оригинального за исключением закона о привлечении к суду лжесвидетелей (Pol., II, 1274b). К этому же разделу законодательства следует отнести закон о наказании клеветников и доносчиков (Diod., XII, 12,2).

К разделу семейного права, кроме закона об эпиклерах, следует отнести еще и закон, согласно которому имуществом сирот имели право распоряжаться ближайшие родственники по отцу, воспитывать же их должны родственники по матери (Diod., XII, 15). К этому закону примыкает постановление Харонда о наказаниях тех, которые приводят мачеху для своих детей. Харонд лишал этих людей права участия в общественной жизни, полагая, что если они плохо заботятся о своих детях, то будут плохими советчиками и для отечества (Diod., XII, 12,1; 14,1). Правда, в последнем случае некоторые исследователи отмечают влияние пифагорейского учения о соответствии между семейной и общественной жизнью граждан, поэтому вполне возможно, что этот закон возник позже, и был просто приписан знаменитому номофету. Еще один закон, приписываемый Харонду, также был направлен на укрепление семейных устоев и предусматривал как для женщин, так и для мужчин некоторые ограничения при расторжении брака. Так, женщина, оставляя мужа, не имела права выходить замуж за человека, который был моложе предыдущего; так же и мужчина, оставляя жену, не должен брать в жены другую женщину, более молодую, чем оставленная им (Diod., XII, 18, 1-2). Хотя сообщение об этом законе у Диодора опирается на анекдот, тем не менее многие исследователи не оспаривают его историчность, находя параллели в древневосточном праве (Строгецкий 1997, 73).

О социальной направленности законов Харонда можно с известной долей определенности судить по закону, согласно которому богатого, уклоняющегося от исполнения судейской должности, наказывали высоким штрафом, а неимущего – низким (Arist., Pol., IV, 10, 1297a, 21-24). Не исключено, что в это время уже существовал в халкидских полисах денежный ценз, введенный, вероятно, самим Харондом. Кроме того, известен закон, прямо свидетельствующий о формировании системы государственного воспитания в полисе: все сыновья граждан должны были учиться грамоте, а полис обязан был нести расходы, связанные с оплатой учителей (Diod., XII, 3; 14,1).

Законами Харонда также регулировались многие частные виды деятельности. Так, судя по сообщению Феофраста (fr.17 apud Stob., Anthol., IV, II, 20 Hense), существовал закон, согласно которому продавец должен был требовать оплаты товара непосредственно в момент заключения сделки, иначе в дальнейшем он лишался возможности любого ходатайства против покупателя. Данный закон, по всей видимости, имел целью не только упорядочение принципов рыночной торговли, но и ограничение кредитования, а, следовательно, и формирования задолженности у граждан. Другой закон, направленный, очевидно, на укрепление гражданского спокойствия в полисе, запрещал под страхом смертной казни появление в народном собрании с оружием (Diod., XII, 19). Вообще смертная казнь применялась в законодательстве Харонда весьма редко и только за особо тяжкие, с тогдашней точки зрения, преступления. Даже т.н. воинские преступления (отказ сражаться за родину или уход из строя во время войны), которые ранее, как сообщает Диодор (XII, 16, 1-2), карались смертью, по закону Харонда карались лишь гражданским позором: виновный должен был в течение 3 дней сидеть на горе в женском одеянии.

Очевидно, что законодательство Андродаманта включало в себя и другие законы, которые Аристотель по причине их традиционности оставил без внимания. Однако не исключено, что законы Андродаманта, как и законы Харонда, касались не только частного, но и конституционного права. Поэтому вполне возможно, что в тех полисах Халкидики, в которых были приняты законы Андродаманта, была введена система государственного управления, аналогичная системе Регия, в котором в течение VI в. государственная власть находилась в руках олигархического «совета 1000» (Heracl. Pont., 25, 4).

Возникает резонный вопрос о причинах столь тесных связей между географически столь далеко друг от друга расположенными регионами, как фракийское побережье и Великая Греция. Прежде всего, отметим, что, судя по археологическим данным (Mele 1998, 217, 228), халкидяне поддерживали связи между халкидскими колониями, являясь посредниками между ними, причем, вероятно, не только в торговле, но и политической сфере, что, очевидно, способствовало установлению и укреплению связей между регионами. Что касается Регия, то в источниках сохранились сведения о нескольких законодателях периода архаики и классики, происходивших из этого полиса. Кроме Андродаманта, это Аристократ, Фитий, Феокл, Геликаон, Тезтет (Jamb., De vit. Pyth., 130, 172, 267). Большая часть из них, скорее всего, внесли свою лепту в формирование законодательной системы самого Регия, однако не исключено, что кто-то из этих номофетов, также как и Андродамант, вводил свод законов Харонда в других халкидских полисах, осуществляя т.н. «культуртрегерскую деятельность» в рамках халкидского сообщества.

Вообще, сведения периода эллинизма свидетельствуют о значительном распространении законов Харонда именно в эгейско-малоазийском регионе, чему, вероятно, способствовала отмеченная еще Аристотелем точность их формулировок (Pol., II, 9, 1274a, 23-25). Так, эти

законы цитировались и использовались в ходе судебных процессов на острове Кос (Herond., Mim., II, 46-56), а также в городе Мазака в Каппадокии (Strabo, XII, 2,9,- последний случай связан с попытками Ариарата V эллинизировать каппадокийские города). Кроме того, как сообщает Гермипп в сочинении «О законодателях», отдельные законы Харонда декламировались в Афинах во время пиров (apud Athen., XIV, 619b). Судя по всему, введение законов Харонда в полисах фракийского побережья не было единичным актом, и оказало серьезное воздействие на развитие политико-правовых систем греческих полисов всего региона.

Таким образом, изучение законодательства Андродаманта позволяет приоткрыть одну из страниц ранней истории греческого населения фракийского побережья, и не исключено, что данные правовые нормы могли проникнуть в греческие поселения внутренней Фракии, такие как Пистирос.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Строгеецкий, В. М. 1997: *Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда*, Античность, средние века и новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы, Нижний Новгород, с. 69-78.
- Arena, R. 1994: *Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. III, Iscrizioni delle colonie euboiche*, Pisa, 136 p.
- Boardman, J. 1980: *The greeks overseas. Their early colonies and trade*, London, 288 p.
- Cordano, F. 1978: *Leggi e legislatori calcidesi*, Miscellanea greca e romana. Studi pubblicati dall' Istituto Italiano per la storia antica, 6, Roma, p. 89-98.
- Mele, A. 1998: *Calcidica e Calcidesi. Considerazioni sulla tradizione*, Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente, Napoli, p. 217-228.